

Ответ профессору А. Л. Куматоиду-Никифорову

М. А. РОЗОВ

Начиная обсуждение моей статьи, А.Л. Никифоров пишет: «...мои замечания, возможно, вызваны не совсем адекватной интерпретацией его идей». Мне хотелось бы развеять по этому поводу всякие сомнения: Александр Леонидович проявил полнейшее непонимание моей статьи самым непонятным для меня образом. Речь вовсе не идет о какой-то «не совсем адекватной интерпретации». Как мягко сказано! Какая там интерпретация, когда автору приписывают то, что он отрицает. Разве это интерпретация?

Но начнем с главного. Идея статьи достаточно проста, и ее, в принципе, можно сформулировать в нескольких словах. Как показал еще Ф. Соссюр (соответствующие цитаты в статье приведены), проблема способа бытия возникает в семиотике в силу того, что семиотические объекты лишены субстанции, их характеристики не связаны с каким-то определенным материалом. Какое решение предлагает автор? Он вводит представление о социальных куматоидах, которые обладают, по крайней мере, двумя особенностями. Во-первых, они волноподобны, а волну, например, на воде нельзя идентифицировать с каким-то конкретным «куском» жидкости. А во-вторых, они «живут» или распространяются за счет воспроизведения образцов поведения или деятельности, а способы употребления предметов человеком нельзя вывести из вещественной природы этих предметов. Они социокультурно обусловлены. Вот и все. Но как раз этой мысли, которая организует всю статью, Александр Леонидович и не заметил, он ее не обсуждает, он не высказался ни за, ни против. Вместо этого он начинает критически обсуждать периферийные для статьи проблемы, по поводу которых автор статьи не высказывался и не давал, следовательно, никакого материала для обсуждения его точек зрения.

94

Ситуация достаточно комична. Никифоров, например, неожиданно приписывает мне так называемый «деятельностный подход». Его смутило, вероятно, что я употребляю в ряде мест слово «деятельность». Но по этому признаку можно, вероятно, приписать такой подход и египетским фараонам. Что касается меня, то я противник теории деятельности и деятельностного подхода. Я предлагаю изучать куматоиды, т.е. некоторые сложноорганизованные социальные программы, а деятельность выступает как частный случай реализации этих программ. Деятельность предполагает наличие цели, т.е. целеполагающей рефлексии, можно сказать, что она — продукт рефлексии. Поэтому, что давно зафиксировано в моих работах, в рамках реализации одного и того же образца можно осуществлять разные акты деятельности, а можно воспроизводить образец, вообще не осуществляя никакого деятельностного акта. Можно, например, читать текст с целевой установкой понять автора, а можно просто читать. Внешне очень трудно отличить одно от другого. Я умышленно привожу примеры, близкие Александру Леонидовичу.

Якобы возражая мне, Никифоров пишет, что «не все социальные явления можно отнести к семиотическим объектам». Но разве я это делаю!? Никифоров на этой же странице приводит цитату из моей статьи, где я сравниваю утверждение «семиотические объекты суть куматоиды» с утверждением «свет — это электромагнитные волны». Но разве последнее утверждение означает, что все электромагнитные волны суть свет? Я воздержусь от того, чтобы разьяснять хорошему логике Никифорову столь элементарные вещи. Задача концепции социальных эстафет и куматоидов как раз и состоит в том, чтобы рассмотреть семиотические объекты в свете явлений более широкого класса. А разве не к этому сводится сплошь и рядом задача познания?

Александр Леонидович объявляет мое решение бессодержательным и тривиальным и тут же демонстрирует свое непонимание этой тривиальности. Он пишет: «Когда речь идет о словах, относящихся к реальным объектам, их значение, как принято считать, расщепляется на денотат и смысл. Можно считать, что денотаты — столы, стулья, люди, горы — существуют, неясность возникает

только в отношении смыслов». Я очень огорчен, но я вынужден заслонить безоблачный горизонт Александра Леонидовича еще одной неясностью. Да, конечно, существуют и горы, и люди, и столы со стульями, они существуют как физические вещи, а вот денотаты имеют совсем иной способ существования. Нельзя сказать, что американский континент был денотатом слова «Америка» до его открытия. Не исключено, кстати, что профессор Никифоров

95

стал денотатом имени «Александр» до своего появления на свет, если родители заранее договорились, как они назовут своего сына. Быть денотатом в данном случае — это значит быть объектом, на котором реализуется некоторая программа именованя. Это, кстати, вовсе не обязательно программа деятельности. И в этом плане денотат не менее загадочен, чем смысл.

Забавно, но Александр Леонидович пишет о денотатах, о смыслах, т.е. о семантических треугольниках, совершенно игнорируя то, что написано по этому поводу в моей статье. А суть в том, что семантический треугольник — это довольно странное образование, которое, на первый взгляд, напоминает изображение некоторой структуры и даже порождает эту иллюзию, но фиксирует нечто совсем другое — описание феноменологии именованя. Это, конечно, тоже тривиально, но очень многие упорно придерживаются такой иллюзии. Боюсь, но не исключено, что и сам Никифоров. А в статье очень кратко, но показано, что все связи в рамках семантического треугольника мнимые, что никаких реальных связей там нет. Строго говоря, если понимать термин «смысл» так, как это делает Г. Фреге, то надо устранить из треугольника имя и денотат, а если этого не делают, то только в силу отсутствия представлений о куматоидах. Я этого в статье не писал, но надеюсь, что Александру Леонидовичу это поможет понять нетривиальность концепции. Я же вообще отвергаю семантический треугольник как способ изображения или описания знака.

«Почему-то проф. Розов все социальные программы связывает с воспроизведением непосредственных образцов, — пишет проф. Никифоров, — можно согласиться с тем, что в некоторых случаях это так...». А как в других случаях? «Токарь на заводе, продавец в магазине, уборщица в метро, администраторы и управленцы разных уровней следуют служебным инструкциям, а не образцам». По поводу этого возражения можно только развести руками, ибо в моем докладе ясно сказано: «В условиях наличия языка и речи, которые в свою очередь тоже воспроизводятся по образцам, происходит частичная вербализация эстафет и появляются описания реальной деятельности или ее проектов. Такие описания являются элементами изучаемой системы, представляя собой ее рефлекссию». Иными словами, социальные эстафеты — это базовый механизм воспроизведения социума, на котором надстраиваются язык, знания и т.д. Да, разумеется, инструкции существуют, но если Александр Леонидович искренне верит, что поведение чиновников определяется именно этими документами, то по этому поводу можно только улыбнуться. Или, может быть, мы тоже говорим по грамматикам и словарям, которые тоже существуют и иногда даже используются?

96

«Сказать, что социальные явления представляют собой программы деятельности значит сказать простую вещь: мы наследуем нашу социальную жизнь от прошлого, проживаем ее в своем настоящем и передаем последующему поколению». Так уважаемый профессор воспринимает мою статью. Но если бы речь шла именно об этом, то я и ограничился бы аналогичной фразой. Явление социальной наследственности давно известно. Речь идет, выражаясь метафорически, о способе бытия социальных «генов». А здесь мы сталкиваемся с социальными эстафетами и их связями, с очень сложным миром, который еще не исследован. Но главное даже не в этом. Никифоров не заметил, что одним из признаков куматоида, который важен для понимания статьи, является его волноподобный характер. Именно это объясняет тот факт, что в мире семиотических объектов нет субстанции. Волну на воде ведь тоже нельзя зачерпнуть ведром. Это-то понятно? В статье не случайно приведены высказыва-

ния Ф. Соссюра и его сравнение слова с поездом, у которого каждый раз и вагоны, и пассажиры — все новое. Ну, уж такое сравнение никак не приемлемо для Александра Леонидовича: это же такое обобщение, при котором теряется всякое содержание.

«Я не знаю, почему для проф. Розова важно следование именно образцам. Кажется, это происходит в слишком редких случаях и к тому же — что особенно важно — полностью закрывает дорогу к пониманию творчества, т.е. к созданию, если угодно, новых образцов». Самое удивительное в этой фразе — это слово «кажется». Одному кажется одно, другому другое. Удивительный образец научной полемики! Я не знаю, хотел этого Александр Леонидович или нет, но он на наших глазах реализует творческий акт, задавая совершенно оригинальный образец научного обсуждения. Для меня важно воспроизведение образцов потому, что я пока не нашел другого базового механизма воспроизведения социального поведения людей. А вы его знаете? Неужели это инструкции? Неужели вам кажется, что ребенок осваивает речевое поведение по инструкциям?

А теперь о творчестве. В теории социальных эстафет не возникает проблемы новаций, на первое место выдвигается совсем другая проблема — проблема устойчивости. Напомню Александру Леонидовичу, что один из тезисов доклада звучит так: «...отдельно взятый образец не задает четкого множества возможных реализаций и приобретает относительную определенность только в контексте других образцов, в рамках определенных эстафетных структур». Неужели Вы этого не заметили, Александр Леонидович?

97

Любой образец приобретает свое относительно определенное содержание только в том или ином социальном контексте. Социальные эстафеты имеют внутренний механизм спонтанного изменения, в сущности каждый акт реализации меняет контекст последующих реализаций. Об этом я уже немало написал. К тому же в нашем поле зрения огромное количество образцов, и у нас есть свобода выбора. Это только у Куна одна парадигма. А вот чего я полностью не понимаю, так это механизма существования устойчивых вековых традиций.

И в заключение еще раз об образцах полемики. В конце своего анализа моей статьи Александр Леонидович дает мне много отеческих советов и даже чуть-чуть пытается утешить после своих «сокрушительных» возражений. Он пишет: «Подход интересный и многообещающий, но обещания еще нужно выполнить. Для каждого отдельного класса социальных куматоидов нужно показать, какая программа в них заложена, из какого образца она исходит, как транслируется эта программа и т.д. Вот тогда, быть может, мы узнаем что-то новое о тех или иных социальных явлениях. Пока перед нами только обещания». Да никаких обещаний я вам в статье не давал, кроме одного. А это одно выполнил. Статья посвящена проблеме способа бытия и только, и обсуждать можно только то, что содержится в статье. А в статье дано объяснение того загадочного факта, что семиотические объекты несубстанциальны, факта, который на четверть века озадачил Соссюра. А этого вопроса, уважаемый профессор, вы даже не коснулись. Вы почему-то просто ходили вокруг да около: ах, у него деятельностный подход, а он несостоятелен; ах, он вводит слишком общее понятие, а оно лишено содержания; ах, он относит к семиотическим объектам все социальные явления; ах, как он тривиален, говоря, что все мы реализуем социальные программы. Если вы не согласны, что социальные явления существуют как волноподобные объекты, куматоиды, в основе которых лежит воспроизведение непосредственных образцов, тогда почему же мой подход «интересный и многообещающий»? И как тривиальность может быть многообещающей? А если согласны, то надо бы сказать это сразу, а не ходить вокруг и около, демонстрируя только непонимание статьи. А уж как развивать теорию социальных куматоидов — это уже совсем другой вопрос и уж никак не тема этой статьи. По этому поводу, кстати, мной уже довольно много написано, начиная с 1975 г., когда впервые появилась обсуждаемая концепция.

98